

**МОРСКОЙ
СПЕЦНАЗ**

СЕРГЕЙ ЗВЕРЁВ

**«СКАТЫ»
ПРОТИВ ПИРАТОВ**

Пираты

Сергей Зверев

«Скаты» против пиратов

«Научная книга»

2009

Зверев С. И.

«Скаты» против пиратов / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2009 — (Пираты)

Вконец обнаглевшие сомалийские пираты захватывают российское судно «Карина» с важным грузом на борту. Вызволить из плена корабль и экипаж поручено бывшему полковнику ГРУ Торину, командиру группы морского спецназа «Скат». Но освободить захваченных моряков недостаточно – нужно еще уничтожить пиратское логово. Как же это сделать, если в распоряжении офицера всего шесть человек, пусть и суперпрофессионалов? Ответ старый как мир: сравить волков между собой. И «Скат» начинает сложную и опасную комбинацию...

© Зверев С. И., 2009

© Научная книга, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сергей Зверев

«Скаты» против пиратов

Глава 1

28 апреля 2008 года. Аденский залив,

траверс мыса Гвардафуй

Борт французского сухогруза «Шаранта»

Грузный, с пышными седыми бакенбардами, обрамлявшими мясистое лицо с красными влажными губами, капитан Гастон Готье пьяно философствовал:

– Это же нелепость, господа: я, продолжатель рода великих мореплавателей, сижу под струями кондиционера в комфортабельной каюте и пью шампанское. Все мои предки гордились обветренными лицами, кожу которых дубили ветра всех океанов...

– Черт возьми, капитан, – воскликнул смуглый остроносый военный моряк, сидящий напротив Готье, – вы еще вспомните про каких-нибудь предков-пиратов, трюмы, набитые «черным деревом», и ром, который лился рекой.

– А почему нет? – широко развел руками Готье, чуть не сбив тяжелый подсвечник на столике за своей спиной, и добавил зловещим шепотом, сделав при этом страшное лицо: – Может, это моя семейная тайна. Только вот работорговлей мы никогда не промышляли, это позор для честного моряка.

Гости взорвались пьяным хохотом. Выпито было уже прилично и за здоровье именинника-капитана, и за старую калошу «Шаранту», и за всех моряков на этом судне, и за многое другое. Раскрасневшиеся лица, расстегнутые рубашки и слишком громкие голоса говорили о том, что пить компания начала давно. Самым трезвым и опрятным был командир военного корвета, сопровождавшего французский сухогруз в этих опасных водах. Шутки о пиратах начались не случайно. Весь экипаж знал, что за последние лет десять произошла вспышка пиратских налетов на суда в Юго-Восточной Азии. Но под конвоем военного корабля моряки чувствовали себя в безопасности.

– Вот вы, Бертран, – обратился капитан к военному моряку, который был трезвее всех и не позволял себе даже расстегнуть лишнюю пуговицу на тропической форменной рубашке, – разве вам, с вашими пушками, ракетами и еще черт знает чем, не хочется иногда выйти на всех парусах из-за мыса наперерез богатому купцу, дать залп по его оснастке и броситься на лихой abordаж? А?

– Вы правы, капитан, в наше время служба моряка, в том числе и военного моряка, скучна, как воскресная проповедь, – согласился остроносый моряк и поднял бокал, призывая всех к вниманию. – Господа, выпьем за то, чтобы в морях никогда не угасали дух здорового авантюризма и тяга к приключениям!

Моряки одобрительно загалдели и подняли свои бокалы. Неожиданно в этом веселом гомоне очень неуместно и раздражающе запел зуммер внутренней связи. Капитан выругался, сделал большой глоток из бокала и потянулся к трубе за своей спиной. Компания стала сорев-

новаться в остроумии по поводу того, что вахтенному не дают покоя винные пары, поднимающиеся из капитанской каюты. Лицо капитана побледнело. Он рявкнул: «Тихо!» – и компания недовольно переглянулась. Насторожился только командир военного судна сопровождения. Он пристально смотрел на капитана, будто пытаясь угадать, о чем идет речь в телефонной трубке.

– Дьявольщина! – выругался капитан, швырнул трубку и стал застегивать рубашку. – Бертран, давайте поднимаемся на мостик.

– Что случилось? – коротко спросил Бертран, уже стоявший на ногах.

– Радар засек малогабаритные скоростные объекты, движущиеся в нашем направлении.

Пьяная компания сразу замолчала, а затем, как по команде, повскакивала с мест и двинулась вслед за капитаном и Бертраном из каюты. Это могло означать только одно – нападение пиратов. Особой тревоги никто не испытал, надеясь на военных моряков. Заинтересовал сам факт такой наглости – попытаться атаковать судно, когда в пяти кабельтовых прекрасно виден идущий полным ходом военный корабль. Хотя это могли быть и не пираты.

Когда французы поднялись на мостик, вахтенный показал на приближающиеся точки. Катера были уже видны невооруженным глазом.

– Когда вы их засекли? – прорычал капитан Готье.

– Только что. И сразу сообщил вам. Такое ощущение, капитан, что они дрейфовали и ждали нашего приближения. – Вахтенный повернулся к Бертрану: – Вашему помощнику я тотчас же сообщил, командир.

Бертран молча кивнул и снял трубку связи. Он услышал, как на его судне взревели сирены, и оно полным ходом пошло на сближение. Ему, как командиру, надлежало руководить отражением атаки, не важно, с борта своего судна или другого. С гражданского сухогруза было в этой ситуации даже удобнее, так как картина нападения здесь будет яснее.

– Остановить машины, капитан? – спросил вахтенный, имея в виду, что так они смогут быстрее сблизиться с военным кораблем.

– Нет, держать курс.

Катерам оставалось до корабля каких-то пять минут хода, когда по ушам моряков ударил гулкой взрыв. Все обернулись и бросились смотреть назад. Наверное, корвет открыл предупредительный огонь. Но то, что они, и в том числе командир Бертран, увидели, повергло всех в шок. За кормой военного судна поднимался столб дыма. С плеском оседал водяной столб, а само судно как-то нелепо стало забирать вправо, в сторону от «Шаранты».

– Что за черт, – прошептал вахтенный.

Все, кто был в рубке, молча наблюдали за беспомощным поведением корвета. Только командир Бертран что-то кричал в трубку. Наконец он ее опустил. Все обернулись к Бертрану в надежде, что ничего опасного не случилось.

– Взрыв. Подводный взрыв возле кормовой части. Скорее всего, погнут вал винта и заклинило рули. Через пробоину в машинное отделение поступает вода, а судно неуправляемо, – медленно и четко стал перечислять Бертран.

В ходовой рубке воцарилась тишина. Все с надеждой смотрели на военного моряка, ожидая, что сейчас он объявит, что это не помеха и меры по безопасности гражданского судна все равно будут приняты. Но этого не произошло. Вместо этого Бертран предположил:

– Это не торпеда и не подводная мина. Скорее всего, магнитная мина, установленная снаружи ныряльщиком еще в Порт-Саиде или в Суэце.

– Это значит, что нас ждали и готовились, – сильным голосом оттого, что у него пересохло во рту, сказал вахтенный.

– Да, – подтвердил Бертран.

Тишина нарушилась сразу и всюду. Как бы в подтверждение слов командира Бертрана, с обоих бортов застучали пулеметные очереди. С треском разлетелось переднее стекло в рубке, жалобно звякнул судовой колокол, в который попала пуля. Моряки пригнулись к полу, а над их

головами, пробивая тонкий металл обшивки, цокая и взвизгивая, полетели пули. Они рикошетили от стен и вязли в обшивке рубки. Внизу на палубе послышались крики. Это команда сухогруза высыпала наверх и попала под огонь пиратов. Капитан хмуро и вопросительно посмотрел на Бертрана, но тот лишь пожал плечами. Оба понимали, что развернуть огромный сухогруз и уйти под защиту пушек корвета они не успеют. Выход один – сдаваться на милость пиратов, тем самым пытаясь сохранить жизнь экипажа.

– Стоп машина! – приказал Готье, но, увидев, что вахтенный помощник сидит, привалившись к стене, и держится за окровавленное плечо, пополз сам к машинному телеграфу.

Судно замедлило ход и шло по инерции, когда на леера ограждения полетели кошки с веревками. На борт полезли пираты. На многих были короткие куртки без рукавов и короткие штаны. Лица смуглые и светлые, очевидно, сплошь сомалийцы. Вооружение пиратов было тоже самым разным: кто держал американские «М-16», кто русские «АК-47», а кто и более современные короткоствольные штурмовые автоматические винтовки.

Крючконосый главарь с длинной седой бородой и колючими глазами вошел в рубку. Некоторое время он осматривал сидящих на полу моряков, наконец заговорил на правильном английском:

– Очень мудро с вашей стороны, господа, что вы остановили машины. Кто из вас капитан?

Готье поднялся с пола с угрюмым лицом и заложил руки за спину.

– Я капитан, а кто вы такие и почему напали на мое судно?

– Это для вас совсем не важно, капитан, кто мы такие, – ответил крючконосый и повернулся к Бертрану. – А вы, судя по всему, командир корабля, который там сейчас крутится, как побитая собака. Вы оба, господа, а также старший помощник капитана и старший механик пойдут со мной. Вы же, капитан, передайте моему помощнику ключи от вашего сейфа в каюте, живо!

Готье повиновался, а затем он со своими офицерами и Бертраном стали спускаться на палубу, подталкиваемые стволами автоматов. Команда стояла на палубе со скрещенными на затылках руками. Их по двое, по трое уводили вниз. Очевидно, запирали во внутренних помещениях. Несколько тел своих моряков Готье увидел распростертыми на палубе в лужах крови. Этим не повезло во время обстрела, понял он. Моряков посадили в катер, и он рванул в сторону далекого сомалийского берега. Бертран с тоской посмотрел на свой корабль, который беспомощно торчал в двух милях к западу и слабо дымил.

28 апреля 2008 года. Малайзия

Куала-Лумпур. Офис Центра по пиратству Международного морского бюро

– Сведения у меня кое-какие есть, Джамаль, – вздохнул Ноэль Чунг, прохаживаясь по кабинету, – но они тебя не устроят и не обрадуют.

– Делись теми, что есть, – невесело усмехнулся Махтаров, – это уже касается моих соотечественников.

– Да-да, конечно, Джамаль, – согласился господин Чунг и, подойдя к двери, выглянул в приемную. – Хани, сделайте нам с господином Махтаровым черного кофе.

Чунг вернулся в кресло за своим столом и стал перебирать бумаги в пластиковой папке. Махтаров терпеливо ждал и рассматривал Чунга. «Сдаст старина Чунг, – думал Махтаров, – сильно сдаст. Видать, у него нервов надолго не хватит. За последние четыре года я приезжал сюда трижды и всякий раз удивлялся, как он сдаст год от года». Наконец Чунг нашел то, что искал.

– Вот смотри, Джамаль, это сообщение береговой охраны Йемена. В пять тридцать утра от российского грузового судна «Алтай» получена радиограмма о нападении неизвестной вооруженной группы, предположительно с целью захвата судна. Сообщение зафиксировано из точки в Аденском заливе в четырехстах километрах юго-восточнее Адена. Это вне их территориальных вод. На наш запрос в Берберу и Могалишо ответ пришел отрицательный. Всем судам, которые находились в этот момент в данном квадрате, йеменцами было тотчас же послано сообщение об опасности. Переговоры с судами велись в течение суток, но никто ничего не видел. Даже следов. Понимаешь?

– Понимаю, – опять вздохнул Махтаров и добавил по-русски: – Какие уж тут следы, чай, не тайга.

– Это ты сейчас ругаешься по-русски? – спросил Чунг.

– Нет, Ноэль, – ответил Махтаров, вставая, – это я сейчас рассуждаю по-русски. Будь другом – сообщи, если получишь новые сведения об «Алтае» или об экипаже судна.

– Конечно, Джамаль, – пообещал Чунг и удивился скорому уходу русского: – А кофе?

– Предыдущая твоя секретарша, Ноэль, нравилась мне больше, – заговорщицким тоном сказал Махтаров.

– Что делать, – развел руками Чунг, – все девушки рано или поздно выходят замуж и рожают детей, а ты редко у нас бываешь...

1 мая 2008 года

Остров Сокотра в 200 километрах западнее побережья Сомали

Если бы на берегу находился наблюдатель, который специально следил бы за морем, то и он, возможно, не заметил бы, что недалеко, за полосой прибоя, из воды показалась голова подводного пловца. Гидрокостюм грязно-серого цвета сливался с пеной набегавших волн. Голова пловца то скрывалась под водой, то снова появлялась на поверхности. Судя по всему, он изучал берег и не спешил выбираться из воды. Наконец голова скрылась, а через некоторое время в полосе прибоя появились две фигуры пловцов с аквалангами за спиной. Один из них тащил в руках объемистую герметичную сумку. Видно, что она была тяжела на суше, но в воде уравновешивалась воздушным пузырем. Первый пловец помог своему товарищу, и вдвоем они, оскальзываясь в лапах на мокрых камнях, выволокли свой груз на прибрежную гальку. Сняв ласты, пловцы быстро скрылись среди скал побережья.

Развалины старинного английского форта бесстрастно взирали на пустынный берег, как жалкий монумент бывшего британского могущества в регионе. Это единственный свидетель бурной истории побережья материка, который пережил войну с народом суахили, англо-итальянское соперничество за Сомали, когда территория была поделена на Итальянское Сомали на юге и Сомалиленд на севере. Прошли шестидесятые годы – годы объединения, а этот форт все так же взирал на полуостров Сомали на западе и Аравийский полуостров на севере, храня память об артиллерийских канонадах и мощных парусных эскадрах.

Небольшой городок, удаленный от главного города острова Хадибу, лежал как раз под стенами старинных развалин на кристаллическом плато. Севернее высились полутораклометровые горы, покрытые рощами ксерофильных деревьев. У подножья же гор простиралась унылая степная равнина, усыпанная отдельными валунами и нагромождениями камней. Если бы не крики птиц, шум прибоя и свежий морской ветер, то картина была бы совсем безрадостная.

Городок представлял собой сотню самых разнообразных разбросанных по берегу зданий и домишек. Ближе к берегу хижины рыбаков с сушащимися на солнце сетями и обязательным базаром – сердцем любого арабского мира.

Аквалангисты, которые выбрались на берег под стенами форта, быстро сняли свое снаряжение и гидрокостюмы. Тяжелый мешок содержал в себе одежду, оружие, боевое и альпинистское снаряжение. Минут через пятнадцать акваланги были надежно спрятаны в камнях, а двое пловцов облачились в серые армейские камуфляжные костюмы, повесили через плечо альпинистское снаряжение и вооружились автоматами с толстыми стволами глушителей. На бедре у каждого висел большой многофункциональный десантный нож, бесшумный 9-миллиметровый пистолет с массивной рубчатой рукояткой. Лица каждого из пловцов разрисованы полосами черного маскировочного грима.

Неизвестные стали осторожно взбираться по крутым и неприступным скалам к форту. Первый из них, высокий и гибкий, как барс, коротко остриженный, взбирался быстро и часто ждал своего товарища, подняв автомат к плечу и поводя стволом из стороны в сторону в поисках возможной цели. Второй пловец, чуть ниже ростом, но шире в плечах, с длинными вьющимися волосами, собранными на затылке в пучок и перетянутыми на лбу полоской темной ткани, взбирался медленнее, но двигался так же уверенно, как и первый. Чувствовалось, что обоим лазать по скалам было не впервой.

Когда пловцы достигли подножья развалин, они замерли, осматриваясь по сторонам. Достав из нагрудных карманов гарнитуру переговорных устройств, нацепили их на головы и улеглись в ожидании чего-то только им известного.

Городок жил своей торговой и рыбацкой жизнью. Конечно, здесь люди занимались и другими делами и ремеслами, но базар был центром местной вселенной. Каждый новый человек, появившийся в городке, а это случалось довольно часто, рьяно обсуждался всеми. Запыленный джип, который подъехал к базару около полудня, привлек внимание торговцев тем, что в нем сидели мужчина-европеец и черноволосая молодая женщина. Это было хорошим знаком – если не местные, то обязательно чего-нибудь купят, может быть, даже что-нибудь из сувениров на память. Хорошо, что женщина была черноволосой, может быть, местная, значит, будет служить переводчиком. А это позволит быстрее уговорить европейца на покупку.

Мужчина и женщина были веселы. Они оживленно разговаривали по-английски и энергично показывали друг другу пальцами то в одну сторону, то в другую. Если они что-то ищут, то базара им не миновать, радовались торговцы и заранее улыбались приезжим из-за своих столиков, из-под навесов и из сарайчиков. Прибывшие шли меж торговых рядов и остановились около навеса, где пожилой торговец разложил шерстяные одеяла. Молодая женщина поинтересовалась по-арабски, из какой шерсти сделаны одеяла и ценой. Она улыбалась и переводила ответы на английский язык своему спутнику. Араб сразу понял, что это его покупатели. Он стал расхваливать свой товар, расписывать его достоинства и красоту. Женщина, стройная молодая брюнетка в белом платке и темных очках, ему очень нравилась. Араба, конечно, смущали ее белые брючки и голые до плеч руки, но он уже привык к манере одеваться приезжих женщин и терпимо относился к этому. Ее спутнику, невысокому полнеющему мужчине средних лет, с добрыми мягкими чертами, одеяла явно понравились. Он гладил и мял их и одобрительно качал головой. Пока его спутница торговалась, соблюдая все ритуалы этого непростого, но обязательного процесса, мужчина снял свою панаму и стал обмахивать потное лицо, обнаружив при этом обширную лысину.

Наконец соглашение было достигнуто. Женщина назвала своему спутнику сумму, и тот раскрыл большой бумажник. Араб одобрительно поцокал языком – он никогда не держал в руках столько динаров, сколько их было в бумажнике этого европейца или американца. Наверное, какая-нибудь очередная научная экспедиция, решил торговец.

– Скажите, уважаемый, – обратилась к нему женщина, – а есть ли в вашем городке какая-нибудь гостиница?

– Конечно, есть! – воскликнул араб. – Вон там, около развалин крепости на берегу. У нас всегда рады гостям, особенно таким красивым женщинам и богатым солидным мужчинам.

– Спасибо, уважаемый. Желаю вам много покупателей.

Парочка двинулась дальше вдоль рядов. Они купили немного вяленой рыбы, сыра и хлеба. Галдеж вокруг покупателей стоял невероятный, каждый старался заманить их к своему прилавку. Иностранцы смеялись и махали руками, мол, с удовольствием, но не можем же мы скупить весь базар. Женщины снисходительно качали головами вслед не совсем прилично одетой женщине, которая хорошо говорит по-арабски, мужчины, прищурившись, провожали ее жадными глазами.

Самая широкая улица, которая делила базар надвое, окуталась пылью, и мимо иностранцев проехал большой черный лимузин с затемненными стеклами. Женщина закрылась платком, а мужчина возмущенно стал размахивать руками и обмахиваться шляпой. Лимузин пересек базар и поехал в сторону добротного каменного двухэтажного здания. Пыль постепенно оседала.

– Это, видимо, ваш большой начальник приехал? – спросила женщина одного из торговцев.

– О, это, наверное, иностранцы! – ответил тот, качая головой. – Очень богатая машина. Даже наш господин Габул на такой не ездит.

Мужчина в панаме и черноволосая женщина сразу как будто потеряли интерес к товарам и двинулись к своему пропыленному джипу. Уложив покупки, они тронулись по улице в сторону гостиницы.

Господин Габул в удушливо черном костюме был предупрежден по телефону и ждал гостей в своем кабинете. Гостями были представители богатой европейской компании, которая намеревалась развивать на побережье туристический бизнес. Услышав звук автомобильного мотора, Габул подошел к окну. Перед зданием остановилась большая черная машина, из нее вышли двое европейцев. Габул сразу принял важный вид и уселся в свое кресло. Нельзя унижаться перед бизнесменами, нужно всем своим видом показать, кто здесь хозяин и от кого зависит успех их бизнеса на побережье острова.

Помощник Габула открыл дверь и пропустил в кабинет незнакомцев. Один из них, невысокий невзрачный мужчина лет пятидесяти, снял темные очки, сунул их в нагрудный карман пиджака и протянул валюту руку.

– Я Кристофер Макези, – вежливо представился он по-арабски, – представитель туристической корпорации «Азиан Экспресс». Вас предупредили о нашем визите?

– О да, мистер Макези. Прошу вас, садитесь. А-а?..

– А это мой секретарь-референт Коллинз, – представил Макези своего спутника, милосердного молодого человека с почти девичьими чертами лица. На лице Коллинза появилась наивная детская улыбка.

Молодой человек покраснел и остался стоять. Макези уселся в предложенное кресло, достал из нагрудного кармана кожаный футляр и извлек из него дорогую сигару. Он взглядом спросил разрешения и закурил, распространяя вокруг себя аромат настоящего гаванского табака.

– Итак, мистер Макези, – начал Габул, сложив руки перед собой на столе, – что вас привело на наше побережье? Или, может быть, сначала предложить вам и вашему помощнику прохладительные напитки? Или чай, кофе?

– Благодарю, господин Габул, – вяло ответил Макези, – предпочитаю сначала поговорить о делах. Наша корпорация занимается не только предоставлением услуг, но и созданием собственной туристической инфраструктуры. Мы строим отели, оборудуем места отдыха и досуга. В том числе и магазины, где местное население за чисто символическую арендную плату могло бы продавать все, что может заинтересовать богатых туристов из Европы и Америки. Так мы вкладываем деньги в свой же бизнес.

– Вас заинтересовало наше побережье? – спросил Габул, и глаза его заблестели от раскрывающихся перспектив для подвластного ему административно побережья и для него лично.

– Мы пока не остановились окончательно на каком-то конкретном участке побережья острова, – пыхнув сигарой и вежливо пустив струю дыма в сторону от господина Габула, ответил Макези. – Вы ведь прекрасно понимаете, что, помимо природных условий, рельефа местности и других факторов, немаловажное значение имеет и позиция местных властей. От того, насколько эти власти заинтересованы в размещении нашего бизнеса здесь, насколько они могут способствовать нашим целям, зависит очень многое.

– Разумеется, господин Макези, – охотно согласился Габул, – очень многое зависит от местных властей. Но что же здесь, у нас, может заинтересовать иностранных туристов?

– Экзотика, дорогой господин Габул, – наставительно заметил Макези, – а этого уже достаточно. Здесь не материк Южного Йемена, здесь нет пыльных бурь и удушливой жары. Здесь морской климат, здесь яхты и виндсерфинг. Здесь можно насыпать великолепные золотистые пляжи. Вот посмотрите на космические снимки вашего побережья.

Макези лениво протянул руку за спину, и референт с готовностью молниеносно выдернул из своей объемистой папки несколько листов бумаги. Он с неизменной улыбкой сунул в протянутую руку снимки и опять отошел на два почтительных шага за спиной своего шефа. Макези стал раскладывать снимки перед Габулом и комментировать.

– Здесь нет удобной бухты, и побережье не защищено от штормовой волны. Но на острове, сложенном кристаллическими породами, много камня. Вот здесь и здесь несложно навалить из природного камня искусственные молы, которые и обеспечат морской проход, и защитят берег от волн. Вот здесь я планирую построить сам комплекс с пресными бассейнами. Мы наладим поставку экзотических товаров с материка, а вот эти развалины преобразим в местную достопримечательность.

Макези не поднимал глаз на собеседника, увлеченный изложением своих проектов, и не заметил, как при упоминании о развалинах старинного форта лицо Габула напряглось.

– Мы немного расчистим внутренние помещения, укрепим опасные места и завезем элементы средневекового интерьера. Неплохо будет заранее сочинить красивую легенду о несчастной любви юного рыцаря и прекрасной мавританки, которая кинулась в морские воды. Очень хорошо привлекают также туристов и средневековые цепи в подвалах, скелеты, замурованные в стенах, и пыточные комнаты с соответствующим оборудованием.

Макези разошелся вовсю, и от его вялости не осталось и следа. Габул, захваченный проектом, слушал, замороженный предполагаемым размахом. Но мысль о развалинах не давала ему покоя. Он смотрел то на снимки побережья, то на Макези, то на инфантильного референта за его спиной. Мысленно Габул уже прикидывал размер комиссионных, которые можно запросить у бизнесменов за поддержку их проекта.

– Нам, господин Габул, хотелось бы немного пройтись по окрестностям и показать вам на местности, как все это будет.

Таскаться по пыли было ниже достоинства чиновника, да и большого смысла он в этом мероприятии не видел. Пусть сами смотрят, решают, где и что можно построить, а его дело поддержать бизнесменов перед администрацией острова. Но последняя фраза Макези заставила Габула согласиться на эту прогулку, причем с большим энтузиазмом.

– А уж на свежем воздухе мы с вами и обсудим возможные варианты сотрудничества и вашу личную заинтересованность, – продолжил свою мысль иностранец, попыхивая сигарой. Причем последняя фраза была брошена несколько невнятно и вполголоса.

Господин Габул сразу сообразил, о чем пойдет речь. Правильно мыслил мистер Макези, не стоит в стенах учреждения обсуждать такие щекотливые темы.

– Конечно, господа, я готов стать на время вашим гидом по нашему прекрасному побережью. Прошу вас!

Макези, зажав в углу рта сигару, не спеша собрал снимки и протянул их своему референту. Молодой человек с неизменной улыбкой сунул их в папку и шагнул в сторону, пропуская вперед старших товарищей. Габул вышел вторым и небрежно бросил своему секретарю:

– Мы ненадолго. Пройдемся с гостями по окрестностям.

Выйдя на улицу, Габул хотел было предложить свой маршрут, но Макези уверенно двинулся в сторону моря. Его референт тенью следовал за их спинами. Господин Габул посмотрел на просторные тонкие летние костюмы своих гостей и поморщился. Зря он вырядился в этот европейский костюм ради них. Спина и подмышки мгновенно стали мокрыми.

Лысый иностранец со своей очаровательной черноглазой спутницей лихо подрулили к зданию, которое им показали как гостиницу. Не дождавшись, пока осядет пыль, иностранцы вышли из машины и направились ко входу. Входом, а возможно, и холлом гостиницы, если так можно было назвать это здание, являлась открытая веранда. Крышей ей служил навес из пальмовых листьев. Обращен он был в сторону моря, так что любому, кто хотел попасть в гостиницу, приходилось огибать здание и немного спускаться по истертым каменным ступеням.

В холле их с улыбкой встретил смуглый человек в белой майке и с черными выющимися волосами. Был он худощав, быстроглаз и решителен.

– О, господа! – обрадованно и громко затараторил человек на неправильном, но вполне понятном английском. – Вы решили остановиться в нашем городке? Прошу вас, господа, у нас есть отдельные комнаты для вас, мистер, и для вас, мисс. Наверное, я не ошибусь, что вы не муж и жена? Уверен, что вы не туристы. У вас деловая поездка. Что вас привело на наш остров?

– Вы нас совсем оглушили, уважаемый, – громко захохотал мужчина в панаме, – почему же вы решили, что мы не муж и жена? А? – И он толкнул локтем свою черноглазую спутницу.

– О, мистер, – погрозил пальцем служащий, – мой глаз все видит, я сразу могу различить супругов, любовников и деловых людей.

– Правильно, смысленный малый, – похвалил иностранец и стал обмахиваться своей шляпой, мельком он глянул на часы. – Мы научная экспедиция. Скоро подъедут наши коллеги, и нам хотелось бы забронировать еще пару комнат для них.

– Мужчины, женщины? – поинтересовался служащий гостиницы. – Отдельные комнаты или двухместные?

– Еще два двухместных номера, пожалуй, – попросил иностранец.

– Простите меня, господа, – неожиданно заявил служащий с самым сокрушенным видом, – но я должен вас огорчить. В нашей гостинице нет ни одной свободной комнаты.

– Так что ж ты, пройдоха, морочил нам голову? – возмутился иностранец. – Что же ты нас расспрашивал? Не мог сразу сказать, что номеров нет?

– Простите, господин, но я хотел убедиться, что вы солидные люди и вам можно доверять, – заявил служащий, прижимая руки к груди и кося глазом на женщину, стоявшую рядом с возмущенным иностранцем.

– Пойдем отсюда, Мэри, – пробурчал иностранец и повернулся к своей спутнице, намереваясь взять ее под руку и удалиться с достоинством.

– Подождите, мистер, – воскликнул служащий в отчаянии, – я могу найти вам комнату.

– Что?

– Да, я могу найти вам комнату. Видите ли, все номера заняты, потому что приехало много торговцев, но у нас есть еще один двухкомнатный номер... Простите, я не решаюсь говорить.

– Ну, говори, пройдоха! – приказал иностранец сурово.

– Есть номер нашего хозяина, в котором он живет, когда приезжает сюда. Но сейчас он пуст, а хозяина мы в ближайшее время не ждем.

– А если он тебя застукает с твоими махинациями?

– Если вы солидные клиенты, то он не будет меня сильно ругать, а, наоборот, похвалит, что я нашел вам ночлег. Только это очень дорого... а с вами леди, которая не является вашей женой... – Служащий помедлил и добавил как бы невпопад: – И в долларах.

– И сколько же ты с нас сдерешь в сутки за эти апартаменты? – спросил иностранец и глянул на часы.

– Двадцать американских долларов.

– И все? – удивился иностранец.

– С каждого, – торопливо добавил служащий, а затем замялся, – ...ну, и если вам не жалко и вы хотите отблагодарить меня за находчивость... другой гостиницы в городе нет...

– Ах ты... – иностранец не смог подобрать подходящего слова, – ладно, будут тебе твои чаевые. Пойдем, Мэри, – он снова глянул на часы, потом на свою спутницу, – пойдем возьмем наши вещи и переночуем у этого грабителя.

– Не волнуйтесь, господа, я найду в городе ночлег для ваших товарищей, – затараторил обрадованный служащий.

– Ловлю на слове, – ткнул пальцем иностранец в сторону араба, – я сейчас позвоню своим друзьям. Если не найдешь им ночлег, то они будут ночевать у тебя дома бесплатно. Понял?

Араб утвердительно закивал головой и готов был порвать майку на своей груди от избытка чувств. Иностранцы покинули холл и направились по ступеням к своей машине. Для начала ее развернули и поставили к стене гостиницы, так, что капот машины смотрел в сторону дороги. Затем иностранцы долго рылись в своих вещах, причем мужчина в панаме что-то все время ворчал вполголоса. Потом он достал из баула маленький головной телефон, крепящийся скобой за ухом. К уголку рта тянулась тонкая спица с микрофоном на конце. Мужчина приладил гарнитуру и несколько раз легонько стукнул по микрофону. Затем продолжил рыться в вещах.

Бизнесмены вместе с господином Габулом стояли у самого обрыва плато и смотрели на море. Никак в голове господина Габула не укладывалось, что сюда можно затащить богатых туристов, но бизнесмены так легко все расписывали, что он начинал сам верить в реальность этого проекта. Тем более что комиссионные, которые были обещаны лично ему за продвижение этого проекта в администрации острова, были очень заманчивыми.

– Давайте сходим в эти развалины, господин Габул, – предложил Макези и двинулся в сторону форта.

– Подождите, мистер Макези, – заволновался Габул и бросился следом чуть ли не бегом, – туда нельзя ходить.

– Это почему же? – изумился Макези, не сбавляя шага.

– Там очень опасно. Развалины очень ветхие, часто падают камни. В прошлом году дети играли среди камней, и двоих придавило насмерть.

– Да мы и не будем заходить внутрь, – резонно заметил Макези, не сбавляя шага, – так, посмотрим снаружи и уйдем.

– Мистер Макези, там опасно стоять даже рядом, – чуть ли не фальцетом взмолился Габул, – камни иногда катятся так далеко. Там очень опасно.

– Ничего, господин Габул, – ответил невозмутимо Макези и прибавил шагу, – бизнес вообще дело очень опасное.

Габул попытался схватить Макези за рукав и попросить выслушать его, но странным образом промахнулся. Ища поддержки, он посмотрел на референта, но молодой человек вежливо улыбался, прижимая к своей груди объемистую папку, и только вежливо кивал головой. В отчаянии Габул догнал мистера Макези и преградил ему дорогу, прекрасно понимая, что может лишиться всех комиссионных и вообще поссориться с бизнесменами. Но он был уперен, как будто препятствовал гостям ступить на минное поле.

– Вы не понимаете, мистер Макези, – заявил Габул, прижимая руки к груди, – там очень опасно. Я не могу позволить, чтобы вы туда ходили. Давайте через несколько дней сходим в эти развалины, а я за это время организую работы...

Габул смотрел в сонные глаза Макези и улыбающиеся безмятежные детские глаза молодого референта. Он старался быть очень убедительным и намеревался, по-видимому, любой ценой не пустить в форт иностранцев. Нождаданно он осекся – в живот ему уперлось что-то твердое и неприятное. Габул медленно опустил глаза и увидел ствол пистолета. Он нечасто видел пистолеты, только у местных полицейских, но в том, что это было настоящее и зловещее оружие, он не сомневался.

– Ну что вы, господин Габул, – ласково и устало возразил Макези, чуть надавливая стволом пистолета ему в живот, – зачем же откладывать на несколько дней то, что можно сделать сегодня. Поездки туда-сюда стоят денег, а их надо экономить.

Макези взял Габула за плечо, и тому показалось, что его стиснули железными клещами. Короткий рывок, и Макези уже стоит справа от Габула и держит его по-дружески под руку. Правая рука бизнесмена скрыта за полый просторного светлого пиджака, а ствол по-прежнему упирается в Габула, но уже в правый бок.

– Если вы, господин Габул, попытаетесь бежать или дать кому-нибудь сигнал опасности, – тоном строгого школьного учителя стал объяснять Макези, – то я нажму на курок и прострелю вам печень. Что будет потом со мной, не так уж и важно, а вас не спасет ни один хирург. Вы будете очень долго и очень мучительно умирать. Если не хотите, чтобы я нажал на курок, хотя бы случайно или с перепугу, то ведите себя крайне предусмотрительно и без резких движений. Понятно вам?

Габул сглотнул пересохшим горлом и кивнул головой. Выдавить из себя хоть слово ему не удалось. Макези легонько потянул Габула вперед, и тот ощутил, что в спину его толкнули еще чем-то твердым. Несчастный чиновник понял, что это, скорее всего, второй пистолет в руках молодого референта. Троица двинулась в сторону старинных развалин.

Двое пловцов, затаившиеся в камнях у стен форта, одновременно посмотрели на наручные часы и переглянулись. Один из них – высокий и гибкий – неслышно двинулся по камням вверх. Движения его были мягкими и плавными. Было ощущение, что это движется не человек, а перетекает ртуть. Поднявшись метра на два по камням, человек приблизился к часовому, который сидел, привалившись спиной к стене, и держал в руках автомат. Разморенный жарой смуглый мужчина часто зевал и пялился на море. Он не заметил, как около его ног из-за камня медленно появился черный ствол бесшумного автомата. Ствол дернулся, издав звук не громче выстрела из пневматического оружия. Часовой схватился за грудь и повалился головой вперед. Две сильных руки поймали тело и бережно опустили его на камни. Второй пловец был уже рядом. Уложив тело часового, чтобы его не было видно со стороны, неизвестные приникли к стене здания около дощатой двери в стене и прислушались. Изнутри раздавалась арабская речь и музыка. Это было что-то вроде караульного помещения. Выше над стеной располагалась небольшая, уцелевшая за века башенка, в которой поблескивали стекла оптики. Очевидно, там тоже находились наблюдатели.

Один из пловцов, с длинными волосами и тесьмой на лбу, кивнул своему напарнику и подошел к двери. Напарник приготовил оружие и стал наблюдать за окрестностями, встав на одно колено. Первый пловец осторожно положил на землю свой автомат и достал бесшумный пистолет, напарник протянул ему еще один. Неизвестный, зажав оружие в обеих руках, приоткрыл дверь и скрылся внутри помещения. На фоне музыки из открытой двери один за одним прозвучало шесть еле слышных торопливых хлопков. Пловец осмотрел тела, разбросанные по помещению, и сделал еще три контрольных выстрела в голову тем, кому пули попали в грудь. Из комнаты вверх вела каменная лестница с выщербленными ступенями. Человек спря-

тал один пистолет в кобуру и стал неслышно подниматься вверх, прижимаясь спиной к стене. Достигнув площадки перед входом в башню, человек остановился, услышав шаги. Очевидно, наблюдатель услышал, что шум и голоса внизу стихли, и решил узнать, в чем дело. Он вышел за дверь и глянул вниз. Не успев сообразить, что под лестницей лежат лишь мертвые тела, он получил сильный короткий удар в висок и без звука полетел вниз. Пловец сделал шаг и оказался в дверном проеме. Как он и ожидал, в башенке был еще один наблюдатель. Тихий хлопок пистолета – и голова наблюдателя дернулась. По стене за ним стекало серо-красное пятно...

Габул шел на негнущихся ногах и думал о том, что его ждет, когда они достигнут развалин. Его раздражало до тошноты то, что Макези, упираясь стволом пистолета ему в бок, говорил без умолку о своем проекте туристического бизнеса на побережье. Габул как будто проснулся и осознал: все, что ему говорил этот человек, чистейшая ерунда. Габул проклинал себя за жадность, которая затмила его глаза и закрыла уши. Не были эти люди бизнесменами, а вот кем они были, ему предстояло узнать. Возможно, это последнее, что он узнает в жизни.

Как Габул и ожидал, перед входом в развалины форта из-за камней вышли двое вооруженных людей и преградили им дорогу.

– Куда ты ведешь этих людей, Габул, – спросил один из охранников, – и кто они такие?

Ответить господин Габул не успел, да ему и не позволили бы отвечать. За его спиной раздались два хлопка. Один охранник опрокинулся на спину и сполз по камням на землю. На его груди расплывалось кровавое пятно. Второй, схватившись за грудь, смотрел на Габула широко раскрытыми глазами. Ноги его стали подгибаться, и он рухнул на траву лицом вниз. Голова охранника с неприятным стуком ударилась о камень.

Габула вырвало. Макези схватил его за шиворот и ударом под колено поставил на колени. Теперь пистолет упирался Габулу в затылок. Сквозь спазмы он видел, как улыбчивый референт, засовывая за пояс брюк пистолет, подбежал к телам охранников и одного за другим отволок в сторону от двери за камни. Быстрым движением он достал из кармана небольшой черный наушник с креплением для головы и небольшим микрофоном. Все это он нацепил на себя и постучал по микрофону. Что-то сказав вполголоса, референт, на чьем лице не осталось и следа инфантильной улыбки, повернулся к Макези и кивнул головой.

Когда Габулу приказали встать на ноги, он не смог этого сделать.

– Я понимаю, что вы напуганы, Габул, – сказал Макези своим вялым и ленивым голосом, – но вам лучше встать, иначе внутрь внесут ваш труп.

Габул, пачкая руки в своих рвотных массах, оперся о землю и, трясясь, стал вставать на ноги. Это не сразу ему удалось, но он все же поднялся. Его подвели к массивной двустворчатой дощатой двери. Какое-то время все стояли молча и чего-то ждали. Наконец дверь скрипнула и стала отворяться. Габул весь сжался и закрыл глаза. Сейчас откроется дверь, и охрана, увидев незнакомцев с оружием, откроет огонь. Они не пощадят и Габула, подумав, что он предал их и привел чужаков в форт. Но стрельбы не последовало. Габула ткнули стволом в спину, и он открыл глаза. За дверью стояли двое здоровенных европейцев со странными короткоствольными автоматами в руках и черными полосами на лицах. Один из них кивнул головой и пошел в сторону лестницы, которая вела в подвал форта. Сзади скрипнула закрывающаяся дверь.

Европейцы шли быстро и совершенно бесшумно. Только Габул волочил ноги и спотыкался, но неизвестных это, казалось, совершенно не беспокоило. Спустившись в подвал, группа пошла по коридору, и Габул с ужасом увидел еще три распростертых на полу тела. Его остановили и прислонили лицом к стене. Незнакомцы пошли по коридору и стали открывать одну дверь за другой. Наконец они нашли русских моряков, которых прятали в разрушенном форте пираты. Габул обо всем этом знал. Он даже получал деньги от пиратов за маленькие услуги, но главное – за то, что закрывал глаза на их деятельность.

Капитан сухогруза «Алтай» Ростовцев, его старпом и старший механик сидели в этом подвале уже несколько дней. Неожиданный налет на судно в Аденском заливе под утро закончился тем, что капитана и его помощников увезли на катере с завязанными глазами. О судьбе судна и экипажа Ростовцев не знал ничего. Их кормили и поили так, чтобы моряки не умерли с голода. Нужду справлять приходилось прямо в этой же комнате без окон, где их и содержали. Никто не говорил морякам об их участи, с ними вообще никто не разговаривал. Понятно, что состояние людей было крайне подавленное.

Они догадались, что в коридоре что-то происходит, но не знали, как это отразится на их судьбе. Моряки встали с соломы на полу, которая служила им постелью, когда услышали, что дверь их тюрьмы отпирается, и приготовились к самому худшему. В камеру вошел вооруженный человек с длинными волосами, завязанными в хвост на затылке, и размалеванным черной краской лицом. Капитан Ростовцев тряхнул головой, чтобы прогнать наваждение или галлюцинацию – вошедший человек был чем-то очень похож на актера Сталлоне из фильмов о Рэмбо.

Вошедший осмотрел камеру и моряков. Неожиданно он улыбнулся, приложил палец к губам и проговорил негромко по-русски:

– Все, ребята, ваш плен закончился, но выходите тихо. Мы вас отправим домой, в Питер.

Глаза моряков запылали потерянной было надеждой. Они переглянулись с улыбками, но вели себя с достоинством и не бросились обниматься на радостях.

– Вы кто? – спросил капитан. – Спецназ?

– Это совсем не важно, кто мы такие, капитан. Пойдемте, нам надо выбираться отсюда побыстрее, – ответил неизвестный.

Удивленные и обрадованные моряки пошли за незнакомцем и в коридоре увидели еще троих. К их большому изумлению, человека, явно местного, в черном строгом костюме, затолкали в камеру и заперли. Невысокий человек с пистолетом в руке улыбнулся морякам, подмигнул и быстро пошел по коридору к лестнице. Моряки, оглядываясь на трупы своих тюремщиков, последовали за ним.

Двое иностранцев около гостиницы продолжали копаться в своем джипе, когда сверху упали две веревки. Опираясь ногами о стену, вниз заскользили две фигуры. Еще мгновение, и они стояли около машины. Обменявшись короткими взглядами и кивнув головами человеку в белой панаме и его черноволосой спутнице, они забрались в запыленный джип. Машина тронулась с пробуксовкой и сразу набрала скорость, унося из городка четверых человек. Почти одновременно от административного здания отъехал и черный лимузин с тонированными стеклами.

Торговцы и покупатели проводили две машины взглядами и занялись каждый своими делами. Машины, оставляя пыльный след, удалялись на запад и скоро скрылись из глаз. Русские моряки в лимузине, за рулем которого сидел серьезный молодой человек с милым, почти девичьим лицом, пытались опять заговорить о своем неожиданном освобождении. Но невысокий человек лет пятидесяти, который был тут, очевидно, старшим, пресек их попытки.

– Ребята, зачем вам знать, кто мы такие? – сказал он с усталой улыбкой. – Ну, спасли вас и спасли. Вы что, благодарственные письма нам на родину писать собираетесь?

– Ну, знаете ли, – развел руками капитан Ростовцев, – тут не только письма, тут письмо президенту писать надо и государственные награды давать.

– Наши награды от нас не уйдут, а вы лучше не терзайтесь посторонними мыслями, а отдыхайте. Единственная тема, которая нас с вами должна интересовать, – это подробности и координаты нападения на ваше судно.

Пока Ростовцев рассказывал все в подробностях, машины свернули к побережью и стали спускаться по каменной насыпи к полосе прибоя. Внизу открылась небольшая уединенная бухта и небольшой, странной конструкции катер, напоминавший скорее ракету, чем ско-

ростную лодку. Перебравшимся в катер освобожденным морякам предложили спуститься в маленькое подпалубное помещение и переодеться. Катер внизу оказался достаточно вместительным. Моторы его взревели, и он мгновенно набрал скорость. Моряки переглянулись – они, как профессионалы, оценили мощность моторов и развиваемую скорость этого небольшого судна.

Через четыре часа моряки уже сидели в самолете, который разбежался для взлета в международном аэропорту в Адене.

Глава 2

2 мая 2008 года

Северное побережье Сомали

Портовый город Бербера

Портовый ресторанчик был рассчитан на непрезентабельную публику. Скорее он походил на дешевую столовую. Столы были без скатертей, окна давно не мыты, да и официантки выглядели какими-то замызганными. Последние посетители еще покидали заведение, а уборщик уже поднимал стулья и гремел ведрами.

В самом дальнем углу сидели двое сомалийцев средних лет. Лица их были угрюмыми, а пепельница на столе – переполнена окурками. Кажется, их здесь хорошо знали, поэтому никто не делал попыток выставить засидевшихся клиентов.

– Поклянись, что ты не имеешь к этому никакого отношения, – потребовал, наверное, не в первый раз один из сомалийцев и припечатал свои слова к столу ладонью, на которой хватало двух пальцев.

– Клянусь Аллахом, – ответил второй, – но все это странно.

– Тогда это сделали русские! – убежденно заявил беспальный. – Кому еще нужно спасать русских моряков, как не им самим? Нет, это им дорого обойдется! Они убили, как собак, двенадцать моих людей. За каждого убитого я буду убивать на их кораблях по десять человек, нет – по тридцать.

– Не гневи Аллаха, – спокойно возразил собеседник, – это не русские.

– А кто же?

– Не знаю пока. Ты рассуди сам. Русские судовладельцы исправно платили выкупы и вдруг решили объявить войну. Но корабли все равно будут идти через Красное море и Малайзию. Они же понимают, чем это для них кончится. Нет, это не русские, это тот, кто хочет, чтобы мы подумали, что это сделали русские.

– Но на побережье видели европейцев, – снова возразил беспальный.

– Мало ли среди наемников европейцев, американцев, – пожал плечами собеседник. – Нет, их просто наняли, чтобы мы опять подумали на русских. Надо подумать, кому нужно обескровить тебя, кому нужно это место, чтобы грабить иностранные суда. Подумай.

– Значит, среди нас пошла междоусобица? – спросил беспальный, затем помолчал и стал рассказывать: – Плохо. Все очень плохо. Ты бы видел, как они все это сделали. Главное, что никто ничего не слышал. Двенадцать отчаянных головорезов перестреляли, как мальчишек. Я тебе не говорил, что на берегу нашли два акваланга? Совсем обычные, такие можно купить в магазине.

– А оружие нашли? – спросил второй сомалиец беспалого. – Может, они оружие бросили?

– Нет, только гильзы. Да и какая разница. В наше время можно легко раздобыть оружие любой страны. Ты, наверное, прав – русским это ни к чему. Слишком уж все указывает, как специально, именно на русских.

– Ты подумай еще вот о чем. Тот, кто это сделал, хотел и нас с тобой поссорить.

– Нас? – удивился беспальный.

– Да, нас. Я ведь мог подумать, что ты все это разыграл, чтобы не делиться выкупом.
– Ты что! – возмутился беспальный. – Ты мне не веришь? Чтобы из-за этих вонючих денег убил своих людей?
– Трупов я не видел – это все твои рассказы. Но я тебе верю. Верю и понимаю, что в это время нам никак нельзя оставаться одним. Нам объединяться нужно и помогать друг другу. Боюсь, что все скоро изменится в худшую сторону, а мы не сможем тягаться с военным флотом. Кажется, я знаю, кто мог это с тобой сделать. Есть только один человек – Ибрахим Абул-Хайр. Слишком он независим, слишком возомнил о себе. Знаешь, как он сам себя величает? Эль Музафир – Странник. Да и хитер...

4 мая 2008 года

Санкт-Петербург

Наконец автомобильная пробка впереди рассосалась, и Торин погнал машину, перестроившись в среднюю полосу. Еще один светофор, и он будет на месте. Андрей Петрович мельком глянул на часы. Времени было в обрез. Опаздывать к начальству – плохой тон, особенно если начальство специально для тебя выкроило время перед самым отлетом в деловую поездку. Торин свернул к шлагбауму. Охрана сверяла номер его машины со своим списком. Торин бывал в офисе компании редко, и его номер не примелькался. Наконец шлагбаум поднялся, и Торин въехал во двор. Припарковав машину, он быстрым шагом пересек двор и вошел в здание через служебный вход, доставая на ходу свой электронный пропуск для турникета.

В приемную Андрей Петрович вошел минута в минуту. Секретарша подняла глаза и выжидающе улыбнулась.

– Доложите, пожалуйста, что пришел Торин.

– Одну минуту, – грудным голосом проворковала секретарша и нажала кнопку на телефоне, – Олег Ярославович, Торин в приемной.

Некоторое время она что-то выслушивала от шефа, затем положила трубку и пригласила Андрея Петровича войти.

Залитый солнечным светом через огромные окна кабинет президента компании был пуст. В глубине, из приоткрытой двери комнаты отдыха послышался голос:

– Проходите, Андрей Петрович, я сейчас.

Торин прошел к столу и сел в кресло у небольшого приставного столика. Большой стол для совещаний находился чуть в стороне, у окна. Аккуратно разложенные напротив каждого кресла стопочка бумаги для записей, обязательная ручка и отточенный карандаш. Никаких шкафов с книгами, баров, ничего лишнего в кабинете не было. Наконец из комнаты отдыха вышел сам президент компании – высокий сорокапятилетний мужчина с аккуратной прической и седеющими висками.

– Изжога замучила, – пояснил он, поморщившись, и сел напротив Торины. – Ну, рассказывайте, как прошла операция.

Начать Торин не успел, потому что в кабинет вошел еще один человек – вице-президент по экономической безопасности, Николай Николаевич Радзевич, бывший генерал-майор милиции. Держал себя Радзевич солидно и высокомерно. Этот образ большого начальника дополняли грузная фигура и густые, постоянно нахмуренные брови. Подав Торуину руку, Радзевич уселся рядом и приготовился принимать доклад. Собственно говоря, Торин подчинялся лично президенту, хотя и относился административно к службе экономической безопасности. Но Радзевич всячески демонстрировал свое начальственное положение по отношению к Торуину.

Сейчас Андрею Петровичу предстоял доклад о первой проведенной операции. Он представления не имел, что именно интересует президента, ведь тот прекрасно знал, что моряки найдены и вывезены в Россию. Если быть честным, то Торин вообще не понимал, зачем присутствует Радзевич, зачем ему вообще знать о группе «Скат». Но Олег Ярославович, далекий от специфики деятельности спецслужб, но прекрасный управленец, рассудил, что если созданная оперативная группа работает в области экономической безопасности, то Радзевич должен об этом знать. Убедить полгода назад президента Торин не смог.

– Что тут докладывать, Олег Ярославович, – начал Торин, – операция проведена успешно и без потерь. Люди показали себя вполне подготовленными профессионально. Ошибок и накладок не было.

– Как-то вы все это скупно рассказываете, – улыбнулся президент, – вы ведь людей спасли, компанию от бешеных затрат спасли. Вы уж как-нибудь подробнее расскажите, все-таки это наше с вами первое дело такого рода. Как вы все организовали, как выполняли?

Торин пожал плечами. Радзевич, хмуря брови, разглядывал свои пальцы с рыжими веснушками.

– Если подробнее, то оперативным путем установили возможное место содержания заложников, изучили местность, разработали план освобождения и пути отхода и эвакуации заложников, подготовили все необходимое и осуществили акцию.

– Очень подробно! – рассмеялся президент. – Вы сказали то же самое, только одним, но длинным предложением. Как установили место содержания заложников, что значит «осуществили акцию»?

– Это уже специфика, – улыбнулся в ответ Торин, – работа с населением по определенным легендам, некоторое знание расклада сил среди пиратов региона, анализ самого захвата, изучение топографии местности и еще много чего. А сама акция... тихо сняли охрану и уехали.

– Перебили, что ли?

– Можно сказать и так.

– И много их там было?

– Двенадцать человек.

– Двенадцать? – изумился президент. – Насколько я помню, у вас в группе один взрывник, один программист-электроник, одна женщина. Фактически боевиков-то у вас двое да вы сами. Там что, война была?

– Если честно, то охрану обезвреживали только двое, – пожал плечами Торин, – остальные обеспечивали подход и эвакуацию.

– Ни хрена себе, – тихим голосом проговорил президент, – знал, что вы подобрали себе ребят высокого класса, но вот так, вдвоем положить без шума двенадцать человек...

– Это все опереточные интересы, – неожиданно сварливым тоном сказал Радзевич, – я лично вижу во всем этом чистой воды авантюру с далеко идущими последствиями.

Олег Ярославович удивленно посмотрел на Радзевича. Торин равнодушно рассматривал ноготь на правой руке, где образовался заусенец. Глядя на него, можно было подумать, что он сидит на скучном совещании, вопросы которого его касаются в последнюю очередь.

– Я ведь не зря, Олег Ярославович, настаивал на своем, – продолжал Радзевич, – группу надо было подчинять мне, а то вам тут таких сказок насочиняют. Представьте теперь себе настроение пиратов. Они запросили выкуп, мы всегда платили, а тут раз, и исчезли заложники. А перед этим по всему побережью топтались европейцы, разнюхивали, расспрашивали. Потом нападение и большое количество жертв. Они же озлобятся, потому что невооруженным глазом видно, что заложников освободили русские. Нашим судам теперь там вообще не ходить, они захотят нас наказать.

– Вы, Николай Николаевич, забыли еще напомнить, что действовали мы нашим отечественным тульским оружием: бесшумные пистолеты «ГШ-18» и автоматы «ОЦ-14» «гроза».

Президент уставился на Торина, затем на Николая Николаевича и снова на Торина. Он понимал, что ничего не понимает. Что это за интермедия и почему Торин соглашается? Да, действительно, несколько месяцев назад, когда группа была собрана и проходила тренировки, Радзевич высказывал мысль о том, что группа должна работать под его непосредственным руководством. Олег Ярославович тогда не согласился, потому что Торин сразу поставил условие, что «Скат» подчиняется только одному человеку – президенту компании, и от него получает задания. Никто в компании не должен о группе знать, а планирование и проведение операций должно быть только на усмотрение самого Торина. Президент даже не понял, что бывший полковник ГРУ Торин, бывший руководитель подразделения стратегического планирования, хорошо знавший Восток, прекрасно владевший арабским языком и сносно знавший еще несколько наречий, человек, спланировавший и проведший массу самых опасных и головокружительных операций, сейчас сидел и откровенно издевался над бывшим милицейским генералом.

Торин отдавал себе отчет в квалификации Радзевича. Человек всю жизнь просидел в высоких кабинетах, имел потрясающие связи во всех инстанциях, но в то же время имел смутное представление об оперативной работе даже уголовного розыска, не то что за пределами страны. Такое же смутное представление Радзевич имел и о специфике методов и действий не только спецназа внутренних войск МВД, но даже обыкновенного ОМОНа. Сейчас этот генерал ставил под сомнение результаты работы матерого грушника. Невзрачный, внешне вялый и апатичный Торин запомнил с первого раза, практически дословно, двадцатистраничный незнакомый текст, причем даже на арабском языке, имел навыки выживания в любой географической области планеты, знал характеристики и особенности всего существующего огнестрельного оружия и мог убить человека одним пальцем, не считая других подручных средств. Многие годы работы, связанной с Востоком, позволили ему хорошо понять психологию экстремистов различного толка. Он знал в лицо всех лидеров и большую часть полевых командиров и других заметных фигур.

– Коль вопрос задан, то считаю, что на него нужно ответить, – промямлил Торин, – отвечаю по порядку. Во-первых, в тайных операциях и других видах деятельности, к которой относится деятельность «Ската» и деятельность современных морских пиратов, существует масса определенных законов и закономерностей. Одна из них: когда абсолютно все факты какого-то явления не вызывают сомнений, то вызывает сомнение самое это явление. Объясняю. Никогда операции не проводятся явно, потому что тайность и скрытность операции позволяет создавать поле для маневра в дальнейшем. Явно проведенная операция – это столб посреди чистого поля, который хорошо виден всем, и любая собака может подойти и поднять на него ногу. В последствиях любой операции необходимо учитывать несколько толкований факта случившегося. В данном случае умышленно операция по освобождению русских заложников была проведена не скрываясь лицами европеоидной внешности, а я могу даже назвать свидетелей этого поименно. Умышленно продемонстрирован высочайший класс подготовки участников операции, умышленно продемонстрировано применение русского современного оружия спецназа. Все это было сделано демонстративно в то время, когда русские больше всех были заинтересованы в освобождении этих заложников. Даю вам любые гарантии, что ни один дурак, не то что нормальный человек, не поверит, что это сделали русские. Более того, в условиях нездоровой конкуренции в среде пиратов, их постоянной борьбы за власть и влияние в регионе подозрение падет на одного из главарей пиратских кланов. С высокой степенью вероятности я могу назвать двоих или троих лидеров, на кого падет подозрение. В том числе и на самого главаря, который захватил наших моряков.

– Наверное, вы правы, Андрей Петрович, – серьезно проговорил президент, хмуря брови, – я думаю, что никто из присутствующих не ставит под сомнение вашу квалифика-

цию. Иначе просто не могло возникнуть такого беспрецедентного факта, как создание частного спецназа группой частных же судовладельцев и назначение вас его руководителем.

– Надеюсь, – ответил Торин, причем Олегу Ярославовичу показалось, что полковник сейчас зевнет. – Могу еще добавить, что недалеко от места операции было найдено тело европейца, в котором я, заручившись документами, подтверждающими мое представительство от компании-судовладельца, официально опознал тело капитана Ростовцева. Об этом свидетельствует полицейский протокол. Тело кремировано, а прах скоро будет доставлен сюда. Так что не пугайтесь, но официальная версия в печати будет такая, что пираты, не дождавшись выкупа, но не желая прослыть кровожадными дикарями, сами инсценировали нападение спецназа, а русских моряков вывезли и убили в назидание судовладельцу.

– Да-а, запутали вы там все на славу, – покачал головой президент. – Хорошо, этот вопрос закрыт; как говорится, благодарю за службу. Считайте, что я убедился в вашем личном профессионализме. Первое показательное выступление состоялось. Все соответствующие распоряжения на ваш счет я уже отдал. Теперь перейдем к текущим проблемам. Изложите, Николай Николаевич, – обратился он к Радзевичу.

Николай Николаевич, несколько уязвленный тем, что его точка зрения не возобладала, прочистил горло и стал излагать. Суть проблемы сводилась к следующему. Группа компаний, которая финансировала группу «Скат», заключила грандиозный контракт. Финансировать-то финансировали, но знали о ее существовании только первые лица, а о составе группы, ее руководителе, месте базирования, местах и сроках проведения операций знал вообще только один человек – Олег Ярославович. Точнее, контракт должен был стать грандиозным, если первые ходы этого международного коммерческого предприятия пройдут удачно и все стороны соблюдают свои обязательства. Речь шла о грандиозных суммах и не менее грандиозных прибылях. Это была не одноразовая коммерческая сделка, а долгосрочный проект, отчего его ценность возростала неимоверно. Группе надлежало ни много ни мало обеспечить безопасность прохождения судов группы компаний. Торин, услышав о такой задаче, которая была под силу разве что НАТО или какому-нибудь отдельно взятому государству, оторопел. Он медленно поднял глаза на президента, подбирая слова, желательно цензурные, чтобы прокомментировать это задание. Шестерым, будь они хоть трижды профессионалами, повернуть такое в целом пиратском регионе не под силу. Пусть даже Торин будет иметь неограниченные финансовые средства. Хотя неограниченные – это единственное, что могло помочь в этой ситуации. Неограниченные финансовые средства могут позволить нанять небольшую армию, численностью в пару миллионов, и авианосную тактическую группу кораблей, с учетом судов обеспечения, единиц примерно в двадцать. Все это он собирался высказать, а еще то, что планировать такие вещи желательно заранее и не создавать ситуацию – «суда уже в море, иди разгони пиратов».

Олег Ярославович уловил изменения в настроении Торина и понял их правильно. Он вздохнул и посмотрел на бывшего полковника с иронией.

– Думаю, что вы, Андрей Петрович, не совсем правильно оцениваете ситуацию. Во-первых, привлечь вас к планированию безопасности прохождения судов я не мог, потому что вы в это время были, как бы это сказать, на югах. А во-вторых, речь идет не о том, чтобы подавить все пиратское движение в Юго-Восточной Азии, а максимально обеспечить безопасность наших перевозок. Если вы думаете, что только от вас зависит судьба всего контракта, то ошибаетесь. От вас зависит лишь минимизация незапланированных потерь. Правда, сумма потерь очень велика, а значит, и важность вашей миссии – тоже.

– Понятно, – наконец улыбнулся Торин, – а то я уж, грешным делом, подумал, что вы меня на войну отправляете.

– Боже вас упаси, Андрей Петрович, затевать там войну! – сказал президент с усмешкой доверия. – Вовек не отмоемся.

– Это я вам гарантирую, – заверил Торин, – в смысле секретности, конечно.

– Но один неприятный момент для вас есть, – изрек наконец Радзевич. – Первое судно, груз которого должен прийти, а не пропасть, будет в Красном море через трое суток.

Торин буквально подскочил в кресле. Сюрприз на сюрпризе! «Какого же черта мы здесь лысы точим, когда я должен уже лететь в самолете!» Но он, естественно, не стал этого говорить, говорить он привык о деле.

– Название судна, путевой график, фамилия капитана, код общения? – коротко потребовал он.

– Все это Николай Николаевич вам предоставит, – кивнул Олег Ярославович, – а я желаю вам успеха, и берегите ваших ребят...

Декабрь 2007 года

Белозерский район Вологодской области

Торин ехал по занесенной снегом единственной дороге, которая вела к «вологодскому пятаку», как называли ИК-5 в определенных кругах. Это была одна из нескольких специализированных колоний, где содержались лица, осужденные к пожизненному заключению. Когда Андрея Петровича пригласили возглавить частное оперативное подразделение для противостояния международной преступности за пределами страны, он сразу понял, что группу придется набирать не только из профессионалов высокого класса, но и еще из людей, которым нечего терять в этой жизни. Безудержным авантюристам он не верил, а настоящие профессионалы, свободные от службы, толпами по улицам не бродят. Они уже при деле, а те, что не при деле, находятся в такой беде, спасение от которой является прямой гарантией их согласия на работу. Торин понимал весь риск работы этого частного спецподразделения, созданного крупными судовладельцами для обеспечения безопасности грузоперевозок в пиратских районах Юго-Восточной Азии. Работать придется нелегально и умирать тоже. Пожалуй, самым главным было то, что ни одна живая душа, будь то чья-то спецслужба, местная полиция, Интерпол, не должна догадаться о принадлежности этих людей не только к конкретной фирме, но и к конкретной стране. Что бы Торин со своей группой ни совершил там, за границей, их при задержании обвинят как минимум в бандитизме. И если такое случится, то обвинить должны как группу физических лиц, и не более. Торину придется опираться только на свой опыт, на знание обстановки и профессионализм членов группы. Помощи им ждать будет неоткуда: ни от Олега Ярославовича, ни от правительства России, ни от ФСБ или ГРУ. Правда, существовали определенные легенды, которые позволяли пользоваться поддержкой местных официальных властей, но это все чревато изготовлением и подделкой большого количества различных документов, что не всегда под рукой. Единственное, что было поставлено хорошо, – это финансирование группы, которую называли «Скат». Торин имел возможность распоряжаться весьма солидными, в разумных размерах, конечно, суммами для обеспечения планируемых операций. Он даже имел неплановый резерв. А при наличии достаточного количества денег множество проблем решались быстрее и легче в любом регионе земного шара.

Тем декабрьским утром Торин ехал в колонию за человеком, которого собирался взять в свою группу. Кстати, это был единственный человек, вытаскивая которого Торин пользовался помощью Николая Николаевича Радзевича. Все-таки система исполнения наказания – не его епархия. Торин решил бы эту проблему и без бывшего генерала, но путь был бы гораздо длиннее. Сейчас Андрей Петрович вел машину в сторону колонии и думал о человеке, которого собирался вытащить. Опять заныла раненная когда-то нога. Торин машинально снял руку с руля и стал потирать голень правой ноги. Кажется, это была его единственная привычка, которая бросалась в глаза наблюдательному человеку, – привычка потирать ногу.

Итак, еще один претендент на членство в группе, думал Торин. Что из себя представляет этот человек, бывший майор морского спецназа Дмитрий Доронин, не на бумаге, а в натуре? Не придется ли уехать ни с чем, ведь провести год в колонии особого режима – это не шутка.

Торин прекрасно понимал, что может представлять собой так называемая особая комната, где происходили встречи и беседы с заключенными следователей, представителей проверяющих органов, администрации колонии. Андрей Петрович резонно полагал, что комната прослушивалась и просматривалась. А темы его разговоров не должны были достичь посторонних ушей. Пользуясь особым правом, которое позволяло ему решить вопрос об инсценировке смерти нужного ему человека и вывозе самого «оригинала» на волю с другими документами и другим именем, он потребовал беседы с подопечным на свежем воздухе. Причем чтобы в радиусе двухсот метров не было ни одной живой души.

– Посидим, – предложил Торин, рассматривая заиндевевшие стены бывшего монастыря, – или, может, пройдемся?

– А я все равно сижу, даже если хожу, – мрачно пошутил Доронин.

Это хорошо, решил Торин, иронизирует, значит, чувство восприятия не притупилось. Он искоса поглядывал на Дмитрия. При своем росте метр семьдесят два Торин имел обыкновение сутулиться, втягивать голову в плечи, передвигаться на вялых ногах, отчего казался мужичком-замухрышкой с невыразительной внешностью. Со стороны его можно было принять за какого-нибудь инспектора отдела кадров, рядового бухгалтера или другого малооплачиваемого кабинетного работника. Доронин, даже просидев в колонии год, держался прямо, расправив плечи, и смотрел всегда перед собой, а не под ноги, как его сокамерники, быстро терявшие интерес не к жизни, а к существованию. Дмитрий казался ростом вдвое выше Торина, хотя разница составляла от силы сантиметров десять.

– Я бы хотел, Доронин, понять, что вы представляете собой как человек, – сказал Торин, – не вообще как человек, а как человек, который просидел здесь около года.

– А может, пойти вам куда-нибудь в... другое место со своими расспросами, – ответил равнодушно Доронин, остановившись и повернувшись к этому человечку. Это или какой-нибудь районный следователь, или заштатный журналистишка, или новый тюремный завхоз, которого интересует мнение его, Доронина, о том, почему в камерах так часто перегорают лампы. Хотя Дмитрий не знал, есть ли в колонии завхоз и как он может выглядеть.

Человек как-то странно хмыкнул, поковырял ногой снег, а потом посмотрел Доронину прямо в глаза. От этого взгляда у заключенного пробежал холодок по спине. Он не сразу понял, что он почувствовал, но в глазах незнакомого человека блеснула холодная сталь. Доронин не знал, чего ждать, но чего-то ждать от этой встречи надо. Может, замены пожизненного заключения смертной казнью, почему-то это первое, что пришло ему в голову.

– Отставить, майор, – резко и холодно приказал человек, – я полковник ГРУ Торин и приехал сюда не сопля вам вытирать, а кое с чем большим. Отвечать на вопросы! Коротко, по существу, опуская ненужные подробности. Ясно?

– Так точно, – вырвалось у Доронина, но он спохватился. Глаза заключенного сощурились. – Только почему вы решили, что можете мне приказывать здесь и сейчас?

Торин довольно ухмыльнулся. Парень еще в форме; удивительно, но рефлексы не потеряны. Значит, не сломался, это на удивление сильный человек. Хотя чему удивляться? Только такой человек и мог взять вину на себя, зная, что ему грозит. Надежный и сильный человек этот майор Доронин.

– Ты глазами-то на меня не зыркай, майор... – сменил Торин свой тон.

– А я бывший майор.

– Офицеров бывших не бывает! – строго сказал Торин. – Или он не офицер. Меня интересует, Дмитрий, сломался ты здесь или не сломался. Осталось в тебе хоть что-то от офицера морского спецназа или ты амеба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.